

И. ЭРЕНБУРГ

Максимилиан Волошин

Желтые отлогие холмы, роняя лиловые тени, окаймляют пустынный берег Черного моря. Ни деревца, ни былинки: голый, суровый, напоенный горечью земли и соленым ветром край. Он напоминает окрестности Сиены, места, в которых Данте предчувствовал ад. Как странно, что здесь, среди этой благословенной наготы земли, вырос поэт золотых, тяжелых риз, ревниво скрывающих бедную, темную плоть. Поэт, соблазненный всеми облачениями и всеми масками жизни: порхающими святыми барокко и штейнеровскими идолослужениями, загадками Малларме и кабаллистическими формулами замков, не отмыкающими ключами Апокалипсиса и дэндизмом Барбе д'Оревиля. Поэт, чье елейное и чересчур торжественное имя — Максимилиан, — почти маска. Маска ли? Грубой рукой не пытайтесь сорвать ее с только предполагаемого лица. Не казните доверчивого хитреца злой казнью сатира Марсия или апостола Варфоломея¹. Ведь и лицо может превратиться в маску, и маска может стать теплой плотью. Нет, лучше изучайте статьи, похожие на стихи, стихи, похожие на статьи, целую коллекцию причудливых и занятых масок.

Густые, золотые завитки волос, очень много волос, обступающих ясные, вежливые, опасно приветливые глаза. О, читающие в сердцах, напрасно вы заглядываете под пенсне, ибо глаза его не дневник, но только многотомный энциклопедический словарь.

Кто разберется в этих противоречивых данных? Лихач с Тверской-Ямской, надевший хитон эллина; парижанин с Монпарнаса, в бархатных штанишках, обросший благообразной степенной бородой держателя чайной. Коктебель — единственное в России место, на Россию никак не похожее, — стихи, басом распеваемые, о протопопице. Элегии Анри де Ренья о чашах этрусских и иных, и котел с доброю кашей, крутой, ядерной, деловито поедаемой большой деревянной ложкой; Святая Русь, доктор Штейнер, патриарх, игривые фельетоны Поля Сан-Виктора,

Россия, Европа, мир — из окон мастерской, где много книг, много времени, чтобы их читать, и пишущая машинка для гимнов блаженному юродству.

Пенсне Волошина, как и многому другому, доверять не следует. Его слабость — слишком зоркий и ясный глаз. Его стихи — безусловно точные видения. Одинаково вырисованы и пейзаж Коктебеля и Страшный Суд. Он не умеет спотыкаться, наткнуться на фонари или на соседние звезды. Из всех масок самая пренебрегаемая им — маска слепца, будь то счастливый любовник, яростный революционер или Великий Инквизитор.

В первые месяцы войны, когда слепота перестала быть привилегией немногих и смежила очи народов, Волошин единственный из всех русских поэтов сберег ясновзорость и мудрость. Среди бурь революции он сохранил свою неподвижность, превратив Коктебель в какую-то метеорологическую станцию. Проклятьям Бальмонта и дифирамбам Брюсова он решительно предпочел экскурсии в область российской истории, сравнения более или менее живописнее с 93 годом; и если не жаркие, то зато обстоятельные молитвы за белых, за красных, за всех, своего Коктебеля лишенных². Соблюсти себя в иные эпохи почти чудо, и потом, можно ли от редкого зерна, хранящегося в ботаническом музее, требовать, чтобы оно погибло и проросло, как самое обыкновенное евангельское, человеческое, мужицкое.

Когда Волошин идет, он слегка подпрыгивает. Поэт Волошин прыгает всегда, его образы и мысли — упражнения на трапециях, смелые сальто-мортале. Это отнюдь не для рекламы, но исключительно из любви к искусству. Все, что он говорит, кажется неестественным, невозможным, и если бы Волошин повторял таблицу умножения, мы бы решили, что он расточает парадоксы. Грузный Волошин кажется бесплотным, отвлеченным человеком, у которого не может быть биографии. Ни бархатные штаны, ни стихи о любви не убеждают в реальности его существования. С ним легче разговаривать о Майе или о надписях на солнечных часах, но можно ли только воображаемому человеку пожаловаться на зубную боль. Отсюда недоверие и профессиональная улыбка Волошина, привыкшего, чтобы его щупали — настоящий ли. Не только *noli me tangere*³, но всяческие удобства при осмотре. Только нам не прощупать — на ризе риза; а что если под всеми ризами трепетное тело с его жестокими правами, и под всеми приемами нашего Эредиа страстное косматое сердце.

Нет, не надо пробовать снять неснимаемую маску!

<1923>

